

ПОНЕДЕЛЬНИК

Глава 1

Я прекрасно знаю, что мое имя звучит как недоразумение. Оно не было недоразумением до того, как я четыре года назад устроилась на эту работу. Я горничная в отеле «Ридженси гранд», и меня зовут Молли. Горничная Молли¹. Смех да и только. До того, как я устроилась на эту работу, Молли было просто именем, которое дала мне моя непутевая мать, бросившая меня так давно, что у меня не сохранилось о ней ровным счетом никаких воспоминаний, лишь несколько фотографий да то, что рассказывала мне о ней бабушка. По словам бабушки, мама считала, что Молли — отличное имя для девочки, оно наводит на мысли о щечках-яблочках и трогательных хвостиках. Однако ни тем ни другим я похвастаться не могу. У меня прямые темные волосы, которые я стригу под строгое каре. Я разделяю волосы на пробор посередине — точно посередине головы. Волосы у меня всегда гладко причесаны и прилизаны. Люблю во всем простоту и аккуратность.

У меня выступающие скулы и бледная кожа, которой люди иногда поражаются — не знаю почему. Она такая же белая, как простыни, которые я целыми

---

¹ «Горничная Молли» — международная компания, специализирующаяся на оказании клининговых услуг. — *Здесь и далее примеч. перев.*

днями снимаю и стелю, снимаю и стелю в двадцати с лишним номерах, которые я убираю для высокочтимых гостей «Ридженси гранд», пятизвездочного бутик-отеля, который гордится своей «утонченной элегантностью и безупречно вышколенным персоналом».

Никогда в жизни не думала, что буду занимать столь высокую должность в гранд-отеле. Я знаю, что многие думают иначе, что горничная — это ничтожество. По их мнению, все должны стремиться стать врачами, адвокатами, богатыми магнатами недвижимости. Но не я. Я так благодарна судьбе за свою работу, что каждый день щиплю себя, чтобы убедиться, что все это мне не приснилось. Честное слово. Особенно теперь, когда не стало бабушки. Без нее и дом не дом. Такое впечатление, что наша с ней маленькая квартирка стала черно-белой. Но стоит мне переступить порог «Ридженси гранд», как мир обретает кинематографическую красочность.

Когда я кладу руку на сияющие латунные перила и поднимаюсь по алым ступеням, ведущим в роскошный портик отеля, я превращаюсь в Дороти, вступающую в страну Оз. Я прохожу сквозь вращающиеся двери и вижу себя — ту, какая я есть на самом деле, — отраженную в сверкающем стекле: мои темные волосы и всегдашняя бледность никуда не деваются, но на мои щеки возвращается румянец, ведь у меня снова есть *raison d'être*¹.

Преодолев двери лобби, я часто останавливаюсь, чтобы полюбоваться его великолепием. Оно никогда не утрачивает своего блеска. Не меркнет и не покрывается пылью. Не тускнеет и не выцветает. К счастью, оно всегда одинаковое, каждый день.

---

¹ Смысл жизни (*фр.*).

Слева — стойка регистрации, облицованная мерцающим черным обсидианом, за которой сидят консьержи, похожие в своих элегантных черно-белых костюмах на пингвинов. А вот и само просторное лобби, имеющее форму подковы, с полами из дорогого итальянского мрамора, сияющими первозданной белизной, притягивающими взгляд, уводящими его вверх, все выше и выше, к галерее второго этажа, богато украшенной в стиле ар-деко, куда ведет парадная лестница с роскошной балюстрадой со столбиками в виде змей, удерживающих в латунных пастях золотые шары. Гости нередко останавливаются у перил, положив руки на сверкающий поручень и глядя на великолепную сцену внизу — носильщиков, снующих туда-сюда с тяжелыми чемоданами, гостей, отдыхающих в роскошных креслах, и парочек, воркующих друг с другом на изумрудно-зеленых диванчиках, чьи мягкие бархатные подушки безмолвно хранят не один секрет.

Но, пожалуй, что мне нравится в лобби больше всего — это ольфакторное ощущение, тот первый благоуханный вдох, который я делаю, вбирая в себя запах отеля, когда переступаю порог перед каждой сменой, — неповторимая смесь тонких ароматов дамских духов, бархатистого мускуса кожаных кресел и терпкой нотки лимонной мастики, которой дважды в день натирают мраморные полы. Это дух отеля. Аромат самой жизни.

Каждый день, когда я прихожу на работу в «Ридженси гранд», я снова чувствую себя живой, частью ткани отеля, этой роскоши и буйства цвета. Я — неотъемлемая часть общего узора, яркий уникальный квадратик, вплетенный в этот гобелен.

Бабушка часто говорила: «Если ты любишь свою работу, ты никогда в жизни не будешь работать».

И она была права. Каждый рабочий день для меня радость. Я создана для этой работы. Я люблю наводить чистоту, я люблю мою рабочую тележку, и я люблю мою униформу.

Ничто не сравнится с идеально укомплектованной тележкой горничной в начале смены. Она, по моему скромному мнению, являет собой апофеоз изобилия и красоты. Хрустящие маленькие упаковки деликатно завернутого мыла, пахнущего цветами апельсина, крохотные бутылочки шампуня «Крабтри энд Эвелин», плоские квадратные коробки с салфетками, рулоны туалетной бумаги, завернутые в полиэтиленовую пленку, белоснежные махровые полотенца трех размеров — банные, для рук и для лица, стопки салфеток для чайно-кофейного сервиза. И наконец, самое главное: набор принадлежностей для уборки, в который входит метелочка из перьев — сметать пыль, лимонный полироль для мебели, ароматизированные антибактериальные мешки для мусора, а также внушительная батарея чистящих и дезинфицирующих средств — все это выстроилось в ряд и готово бороться с любым пятном, будь то кофейные круги, рвота — или даже кровь. Укомплектованная всем необходимым тележка — это передвижное санитарное чудо, машина чистоты на колесиках. И, как я уже говорила, она прекрасна.

И моя униформа. Если бы мне пришлось выбирать между моей униформой и моей тележкой, думаю, я не смогла бы сделать выбор. Моя униформа — это моя свобода. Мой персональный плащ-невидимка. В «Ридженси гранд» ее ежедневно подвергают химчистке в прачечной, которая находится глубоко в сыром чреве отеля, чуть дальше по коридору за раздевалками для персонала. Каждый день,

когда я прихожу на работу, униформа уже ждет меня на плечиках на дверце моего шкафчика. Она упакована в полиэтиленовый чехол с наклеенным на нем бумажным квадратиком, на котором черным маркером нацарапано мое имя. Какое счастье видеть ее там с утра — мою вторую кожу, чистую, продезинфицированную, свежевывглаженную, пахнущую одновременно свежей газетой, крытым бассейном и ничем. Новое начало. Все это словно стирает предыдущий день и все те дни, что были до него, тоже.

Когда я облачаюсь в свою униформу горничной — не в старомодное платье в духе «Аббатства Даунтон»¹ и даже не в избитый костюм «заек» из «Плейбоя», а в ослепительно-белую крахмальную блузку и облегающую черную юбку-карандаш (сшитую из эластичной ткани для свободы движений), — я ощущаю свою целостность. Одета для рабочего дня, я чувствую себя более уверенной, как будто знаю, что мне говорить и что делать — во всяком случае, большую часть времени. А когда я снимаю ее в конце смены, то ощущаю себя обнаженной, беззащитной, лишенной целостности.

По правде говоря, в ситуациях, требующих взаимодействия с другими людьми, я нередко испытываю затруднения. Такое впечатление, что все играют в какую-то замысловатую игру со сложными правилами, которые хорошо им известны; я же каждый раз играю, как впервые. Я с пугающей регулярностью попадаю впросак, обижаю людей, желая сказать им комплимент, неверно истолковываю язык их тел, говорю не то и не туда. Лишь благо-

---

¹ «Аббатство Даунтон» — английский телесериал (шесть сезонов), действие которого происходит с 1912 по 1926 год.

даря бабушке я узнала, что улыбка вовсе не обязательно означает, что человек счастлив. Иногда люди улыбаются, когда они смеются над тобой. Или благодарят, когда на самом деле им хочется влепить тебе оплеуху. Бабушка утверждала, что я понемногу стала понимать людей получше — «потихоньку, полегоньку, моя дорогая», — но теперь, когда ее не стало, я не справляюсь. Раньше я спешила домой с работы, чтобы распахнуть дверь нашей квартирке и с порога задать ей вопросы, которые накопились у меня за день. «Я дома! Бабушка, а кетчупом в самом деле можно чистить латунь или лучше все-таки использовать для этого соль с уксусом? А правда, что некоторые люди пьют чай со сливками? Бабушка, а почему сегодня на работе меня назвали Румбой?»

Но теперь, когда я открываю входную дверь, некому сказать мне: «Молли, милая, я сейчас все тебе объясню» и «Давай-ка я налью тебе чашечку чая, а потом отвечу на все твои вопросы». Теперь наша уютная двухкомнатная квартирка кажется гулкой, пустой и безжизненной, как пещера. Или гроб. Или могила.

Я последний человек, которого приглашают на вечеринки, хотя я люблю вечеринки. Я не умею поддерживать разговор и то и дело норовлю что-нибудь ляпнуть, и очевидно, поэтому у меня нет друзей моего возраста. Честно говоря, это стопроцентная правда. У меня нет друзей моего возраста, да и друзей любого другого возраста тоже, если уж на то пошло.

Но на работе, облаченная в свою униформу, я сливаюсь со всеми остальными. Я становлюсь частью интерьера, как черно-белые полосатые обои, которыми оклеены многие коридоры и номера. По-

ка я не открываю рот, в своей униформе я неотличима от любой другой горничной. Вы могли бы увидеть меня на полицейском опознании и не узнать, даже если до этого проходили мимо меня по десять раз на дню.

Не так давно мне исполнилось двадцать пять лет, «четверть века», как не преминула бы заметить бабушка, если бы могла что-то мне сказать. Чего она, конечно, не может, поскольку она мертва.

Да, мертва. Почему нельзя называть вещи своими именами? Она не «угасла», как свеча на ветру. Она не «исчезла», как какой-то сладкий ветерок, щекочущий вереск. И не «ушла». Она умерла. Около девяти месяцев тому назад.

На следующий день после того, как она умерла, стояла прекрасная теплая погода, и я пришла на работу, как и всегда. Мистер Александр Сноу, управляющий, очень удивился, увидев меня. Он напоминает мне филина. Он носит очки в роговой оправе, которые выглядят на его широком лице слишком большими. Его редеющие волосы зализаны со лба назад, так что по бокам видны залысины. В отеле его никто особо не любит. Как сказала бы бабушка, «не важно, что думают другие, важно, что думаешь ты». И я с этим согласна. Надо жить так, как подсказывает тебе твоя собственная совесть, а не следовать слепо за кем-то другим, как овца.

— Молли, что ты тут делаешь? — спросил мистер Сноу, когда я явилась на работу на следующий день после смерти бабушки. — Я очень соболезную твоему горю. Мистер Престон сообщил мне, что твоя бабушка вчера скончалась. Я уже вызвал тебе замену. Мне показалось, что ты возьмешь отгул.

— Мистер Сноу, почему вы так решили? Когда кажется, креститься надо.

Мистер Сноу посмотрел на меня с таким видом, как будто собирался отрыгнуть мышь.

— Пожалуйста, прими мои соболезнования. Ты точно уверена, что не хочешь взять выходной?

— Это же моя бабушка умерла, а не я, — ответила я. — «Шоу должно продолжаться», сказала бы она.

Его глаза расширились, что, по-видимому, должно было обозначать шок. Никогда не пойму, почему правда шокирует людей больше, чем ложь.

И тем не менее мистер Сноу сдался:

— Как хочешь, Молли.

Через несколько минут я уже была внизу, в одной из комнат для переодевания прислуги, надевала униформу горничной, как я делаю каждый день, как я только что сделала сегодня утром, как сделаю и завтра, даже если кто-то — на этот раз не моя бабушка — сегодня умер. И не дома, а в отеле.

Да. Вы совершенно правильно меня поняли. Сегодня во время работы я нашла одного из гостей в постели мертвым. Это был мистер Блэк. Тот самый мистер Блэк. Если не считать этого, мой рабочий день ничем не отличался от любого другого.

Правда, любопытно, насколько одно-единственное сейсмическое событие способно изменить твои воспоминания о том, что произошло? Мои рабочие дни обычно сливаются один с другим, одна задача плавно перетекает в другую. Мусорные корзины, которые я опустошаю на четвертом этаже, превращаются в точно такие же мусорные корзины на третьем. Я могу поклясться, что убираю люкс 410, угловой номер с видом на западную сторону улицы, но на самом деле я нахожусь в другом конце отеля, в номере 430, угловом номере на восточной стороне, который представляет собой зеркальное отражение люкса 410. Но тут происходит нечто необыч-

ное — например, я обнаруживаю мистера Блэка в постели абсолютно мертвым, — и внезапно день кристаллизуется, мгновенно становясь из газообразного твердым. Каждый миг становится запоминающимся, неповторимым, совершенно не похожим на все предыдущие рабочие дни.

Это сейсмическое событие произошло сегодня, около трех часов дня, под конец моей смены. Я уже привела в порядок все закрепленные за мной номера, включая пентхаус Блэков на четвертом этаже, но мне понадобилось вернуться в номер, чтобы закончить уборку в их ванной.

Только, пожалуйста, не подумайте, что раз мне пришлось дважды убирать пентхаус Блэков, то я неорганизованная или работаю спустя рукава. Когда я убираю номер, я не пропускаю ни одного квадратного дюйма. Я оставляю его после себя безукоризненно чистым — без единой пылинки и единого пятнышка. «Чистоплотность сродни праведности», — любила повторять бабушка, и я полагаю, что этот принцип лучше многих. После моей уборки вы не найдете пыли в углах. Как и отпечатков пальцев, и грязных разводов.

Так что дело не в том, что я поленилась и решила не убирать ванную Блэков, когда драила весь остальной номер в то утро, *отнюдь*. Напротив, во время моего первого визита ванная была занята. Жизель, нынешняя жена мистера Блэка, отправилась в душ практически сразу же после того, как я переступила порог их номера. И хотя она дала мне разрешение (назовем это так) привести в порядок весь остальной номер, пока она будет купаться, она была в душе довольно долго, так долго, что сквозь щель под дверью ванной начал вырываться пар.

Мистер Чарльз Блэк и его вторая жена, Жизель Блэк, гости в «Ридженси гранд» давние и постоянные. В отеле их знает каждый, да и во всей стране тоже. Мистер Блэк останавливается — хотя теперь вернее будет сказать «останавливался» — у нас по меньшей мере на неделю каждый месяц, когда приезжал в город по делам, связанным со сделками с недвижимостью. Мистер Блэк — знаменитый импресарио, магнат, финансовый воротила. Вернее, был. Они с Жизелью нередко становились героями светской хроники. Его там, как правило, именовали записным сердцеедом в годах, хотя, разумеется, никаких сердец он не ел. Жизель же частенько описывали как «светскую львицу, покорившую его своей юностью и красотой».

Мне это описание казалось лестным, но, когда его прочла бабушка, она со мной не согласилась. Когда я спросила у нее почему, она сказала: «Читайте нужно то, что написано между строк, а не на них».

Мистер и миссис Блэк были женаты не так долго, что-то около двух лет. Нам в «Ридженси гранд» очень повезло, что эта достойная чета регулярно удостоивает наш отель своим присутствием. Это повышает наш престиж. Что, в свою очередь, означает больше гостей. Что, в свою очередь, означает, что у меня есть работа.

Однажды, немногим более двадцати трех месяцев тому назад, когда мы с бабушкой прогуливались по деловому центру, бабушка показала мне все здания, принадлежащие мистеру Блеку. Я и не подозревала, что он владеет доброй четвертью города, но увы, это так. Или, вернее, владел. Как выясняется, нельзя владеть недвижимостью, когда ты труп.

— «Ридженси гранд» ему не принадлежит, — как-то раз сказал о мистере Блэке мистер Сноу, когда мистер Блэк был еще вполне жив.

Свой комментарий мистер Сноу сопровождал странным негромким хмыканьем. Понятия не имею, что он хотел этим сказать. Одна из причин, по которым мне нравится вторая жена мистера Блэка, Жизель, — это то, что она все и всегда говорит мне прямым текстом. Словами.

Сегодня утром, когда я в первый раз вошла в пентхаус Блэков, я навела в нем идеальную чистоту — за исключением ванной, где была Жизель. Она была сама не своя. Когда я пришла, я заметила, что глаза у нее красные и припухшие. Аллергия? Или печаль? Жизель не стала медлить. Наоборот, едва я пришла, она бросилась в ванную и захлопнула за собой дверь.

Я не могла допустить, чтобы ее поведение помешало мне выполнить мои обязанности. Наоборот, я немедленно приступила к работе и решительно принялась за уборку. Когда номер был приведен в идеальный порядок, я остановилась перед запертой дверью ванной с коробкой салфеток и крикнула Жизели так, как учил меня мистер Сноу.

— Ваши комнаты снова в идеальном порядке! Я вернусь позднее, чтобы вымыть ванную!

— Хорошо! — отозвалась из-за двери Жизель. — Вовсе незачем так кричать! Господи боже мой!

Когда она наконец показалась из ванной, я протянула ей салфетку на тот случай, если у нее действительно аллергия или она расстроена. Я рассчитывала немного с ней поговорить, потому что она часто бывает настроена поболтать, но она быстро унеслась в спальню, чтобы одеться.

Тогда я вышла из номера и прошла весь четвертый этаж, комнату за комнатой. Я взбивала подушки и полировала позолоченные зеркала. Я оттирала от обоев и стен грязные разводы и пятна. Я собирала в тюки грязные простыни и влажные полотенца. Я дезинфицировала фаянсовые унитазы и раковины.

Убрав примерно половину номеров на этаже, я ненадолго прервалась, чтобы отвезти мою тележку в подвал, где выгрузила в прачечной два больших тяжелых тюка с грязным постельным бельем и полотенцами. Несмотря на то что в подвале вечно нечем дышать, что лишь усугубляется режущим люминесцентным светом и очень низкими потолками, избавиться от этих тюков было огромным облегчением. Возвращаясь обратно по коридорам, я чувствовала себя неизмеримо лучше, пусть и успела слегка взмокнуть.

По пути я решила заглянуть на кухню к Хуану Мануэлю, мойщику посуды, и принялась петлять по запутанным переплетениям коридоров, привычно сворачивая в нужных местах — налево, направо, налево, направо — как смышленная дрессированная мышь в лабиринте. Едва я добралась до широких кухонных дверей и распахнула их, Хуан Мануэль немедленно бросил все свои дела и принес мне большой стакан холодной воды со льдом, которой я с огромной благодарностью приняла.

Немного поболтав с Хуаном Мануэлем, я покинула его и отправилась в кастелянскую пополнить запас чистых полотенец и постельного белья. Затем я поднялась на второй этаж, где воздух был посвежее, и начала убирать номер за номером, причем на этот раз оказалось подозрительно мало чаевых, одна мелочь, но об этом позже.

Когда я взглянула на часы, было около трех. Пора было возвращаться на четвертый этаж, чтобы вымыть ванную в номере мистера и миссис Блэк. Я остановилась перед дверью и прислушалась, пытаясь понять, там они или нет. Я постучала, согласно протоколу.

— Уборка номеров! — произнесла я громким, но вежливо официальным голосом.

Нет ответа. Я достала свою главную карточку-ключ и вошла в их номер, волоча за собой тележку.

— Мистер и миссис Блэк? Могу я закончить уборку? Мне очень хотелось бы привести ваш номер в идеальный порядок!

Молчание. Очевидно, или мне так показалось, мужа и жены в номере не было. Тем лучше для меня. Я могла выполнить свою работу тщательно и без помех. Я позволила тяжелой двери закрыться за собой и обвела взглядом гостиную. Она выглядела не так, как несколько часов назад, когда я оставила ее чистой и прибранной. Впечатляющее — от пола до потолка — окно, выходящее на улицу, было задернуто шторами, по стеклянному столику в беспорядке были разбросаны несколько маленьких бутылочек шотландского виски из мини-бара, рядом с ними стоял полупустой массивный бокал и лежала нетронутая сигара. На полу валялась скомканная салфетка, а вмятина на диване обозначала то место, где ее продавил зад любителя виски. Желтая сумочка Жизели, которую я с утра заметила на бюро у входа, исчезла, что означало, что ее хозяйка отправилась бродить по городу.

Работа горничной никогда не кончается, подумала я про себя и, сняв подушку с дивана, энергично взбила ее, вернула на место и разгладила оставшиеся крохотные складочки на диванной обивке.

Прежде чем заняться столом, я решила проверить состояние других комнат. Было очень похоже на то, что мне придется убирать весь номер заново.

Первым делом я направилась в спальню, находившуюся в глубине номера. Дверь была открыта, и на полу прямо у двери валялся махровый отельный халат. С порога мне был виден шкаф в спальне. Одна его дверца была приоткрыта — ровно настолько же, как была, когда я уходила утром, потому что встроенный сейф внутри тоже был открыт и не давал закрыть дверцу полностью. Часть содержимого сейфа была все еще на месте — это я заметила сразу, — но вот те предметы, которые утром вызвали у меня некоторое замешательство, исчезли. В каком-то смысле я даже испытала облегчение. Я отвела взгляд от шкафа, аккуратно переступила через валяющийся на полу халат и вошла в спальню.

И лишь тогда я увидела его. Мистера Блэка. На нем был тот же самый двубортный костюм, который был на нем, когда он с утра чуть ли не сбил меня с ног у двери номера, отсутствовала только бумага, которую он сунул в нагрудный карман. Он лежал, распластавшись на спине, на кровати. Постель была измята и вся в беспорядке, как будто он долго метался и ворочался с боку на бок, прежде чем улечься на спину. Его голова покоилась на одной подушке, а не на двух, как полагается, еще две другие валялись рядом. Это значило, что мне придется искать обязательную четвертую подушку, которую я совершенно определенно клала на кровать, когда утром застилала ее, поскольку дьявол, как говорится, в деталях.

Мистер Блэк был без ботинок — они оказались в другом конце комнаты. Я помню это совершенно

отчетливо, потому что один смотрел носом на юг, а второй на восток, и я подумала, что мой профессиональный долг требует от меня, прежде чем выйти из спальни, поставить их так, чтобы оба смотрели в одну сторону, и привести в порядок спутавшиеся шнуры.

Разумеется, первой моей мыслью после того, как моим глазам представилась эта картина, вовсе не было, что мистер Блэк мертв. Я решила, что он крепко заснул после продолжительных возлияний в гостиной. Однако, присмотревшись повнимательней, я заметила в комнате и некоторые другие странности. На прикроватном столике рядом с мистером Блэком валялся открытый пузырек с таблетками, которые, насколько мне было известно, принадлежали Жизели. Маленькие голубые таблетки высыпались на столешницу, а некоторые даже свалились на пол. Пара штук была раздавлена и превратилась в мелкий порошок, который уже успели втоптать в ковер. Я подумала, что придется пылесосить, а потом еще пройтись по ковру специальным дезодорирующим средством, чтобы вернуть ворс обратно в безупречное состояние.

Мне не так уж часто доводилось обнаруживать кого-то из наших гостей в постели спящим. Если уж на то пошло, гораздо чаще, к моему смятению, я застаю их совершенно в ином состоянии — *in flagrante*¹, как это именуется на латыни. Большинство гостей, решив поспать или заняться чем-то требующим уединения, любезно вешают на ручку двери табличку «Не беспокоить», которую я всегда оставляю на бюро у входа на такой случай. И большинство гостей немедленно подадут голос, если

---

¹ На месте преступления (*лат.*).

я случайно застаю их в неподобающий момент. Но с мистером Блэком было не так: он не подал голоса и не приказал мне «убираться вон», как обычно говорил, если я приходила не вовремя. Вместо этого он продолжал крепко спать.

Только тогда я осознала, что за те десять секунд или даже больше, что я простояла на пороге, я не слышала его дыхания. Я кое-что знаю о людях, у которых крепкий сон, поскольку моя бабушка как раз была из таких, но ни один человек не способен заснуть настолько крепко, чтобы совсем перестать дышать.

Я решила, что поступлю благоразумно, если подойду к мистеру Блэку и проверю, все ли с ним в порядке. Это тоже профессиональный долг горничной. Я сделала маленький шаг вперед, чтобы внимательно рассмотреть его лицо. Именно тогда я и заметила, каким серым, каким одутловатым и... каким отчетливо нездоровым оно выглядит. Я осторожно подошла еще ближе, к самой кровати, и оказалась прямо над ним. Лицо его было изрезано глубокими морщинами, рот кривился в недовольной гримасе, хотя для мистера Блэка это вряд ли можно было назвать необычным. Я заметила у него вокруг глаз странные маленькие точки, вроде краснофиолетовых булавочных уколов. Лишь тогда в мозгу у меня внезапно тренькнул тревожный колокольчик и до меня со всей очевидностью дошел тот пугающий факт, что во всей этой ситуации что-то не так.

Я протянула руку и похлопала мистера Блэка по плечу. Оно было холодным и застывшим, словно какая-нибудь мебель. Я поднесла ладонь к его рту в отчаянной надежде почувствовать хотя бы какой-то намек на дыхание, но все было напрасно.

— Нет, нет, нет, — пробормотала я, прикладывая два пальца к его шее, чтобы проверить пульс. Пульса не было. Я схватила его за плечи и потрясла. — Сэр! Сэр! Проснитесь!

Теперь, по зрелом размышлении, я понимаю, что это было глупо с моей стороны, но в то время мне все еще казалось совершенно немыслимым, что мистер Блэк может в самом деле быть мертв.

Когда я отпустила его, он тяжело упал на подушку, слегка ударившись головой о спинку кровати. Я понялась назад, мои руки пристыли к бокам.

На негнущихся ногах я прошаркала к столику с другой стороны кровати, на котором стоял телефон, и позвонила на стойку регистрации.

— «Ридженси гранд», ресепшен. Чем я могу вам помочь?

— Добрый день, — начала я. — Я не гость. Обычно я не прошу помощи. Это Молли, горничная. Я сейчас в пентхаусе на четвертом этаже, в номере четыреста один, и у меня тут нестандартная ситуация. Беспорядок особого рода, если можно так выразиться.

— Зачем вы звоните на ресепшен? Звоните в службу уборки.

— Я и есть служба уборки! — повысила я голос. — Пожалуйста, не могли бы вы сообщить мистеру Сноу, что тут у нас один гость... не вполне живой.

— Не вполне живой?

Вот почему лучше все и всегда говорить прямо и недвусмысленно, но, признаюсь, в тот момент я на время потеряла голову.

— Он совсем мертвый! — сказала я. — Лежит в постели, совсем мертвый. Свяжитесь с мистером

Сноу. И пожалуйста, вызовите экстренные службы. Немедленно!

С этими словами я повесила трубку. Честно говоря, все, что происходило дальше, кажется мне сюрреалистичным и похожим на сон. Я помню, как сердце заколотилось у меня в груди, комната вокруг меня накренилась, как в хичкоковском фильме, ладони стали мокрыми от холодного пота, и телефонная трубка едва не выскользнула у меня из руки, когда я клала ее на место.

В этот момент я подняла глаза. На стене напротив меня висело зеркало в позолоченной раме, в котором отражалось не только мое перепуганное лицо, но и все остальное. Раньше я этого не замечала.

Головокружение усилилось, пол под моими ногами накренился, как в комнате смеха. Я прижала руку к груди в тщетной попытке заставить мое трепыхающееся сердце биться медленнее.

Это куда легче, чем вам кажется, — существовать прямо у всех на виду, оставаясь практически невидимой. Я пришла к этому выводу за время работы горничной. Ты можешь быть таким важным, таким незаменимым в общей структуре, будучи при этом абсолютно незаметным. Это правда, которая применима к горничным, да и к другим тоже, как кажется. Это правда, которая пробирает до костей.

Вскоре после этого я упала в обморок. В глазах у меня потемнело, и я просто рухнула на пол, как это со мной иногда случается, когда оставаться в сознании становится невыносимо.

Теперь я сижу здесь, в роскошном кабинете мистера Сноу, и руки у меня трясутся. Мои нервы на пределе. Что есть, то есть. Что сделано, то сделано. И все равно я дрожу.